

Книги вразнос. Что у нас переводят. И как

Экспресс-рецензии Даши Сиротинской

Жан Батист Дель Амо
Звериное царство / Перевод
с французского Е. Клоковой. — М.: Эксмо, 2019

Первая книжка Дель Амо “Соль” об архетипическом семейном ужине, на котором раскрывается ужасающая подноготная героев (и тут уж для авторов главный вопрос чисто соревновательный: кто насочиняет ужасов побольше и страшнее), переведена была у нас, мягко говоря, неважно. И все-таки это не помешало заметить писателя поистине интригующего. Вторая книга — “Звериное царство” — подтвердила, что понаблюдать тут есть за чем. История здесь тоже немудреная и снова семейная: дело происходит на ферме в неопределенно-отдаленную историческую эпоху, и мы следим за судьбой героини, которая проводит на этой ферме всю свою жизнь. Жизнь эта пропитана ненавистью к себе, другим и окружающему миру до такой степени, что некоторым читателям может и тошно стать. Плюс к тому — пробирающий до костей, местами даже вызывающий натурализм, — животный, как и следует из самого названия. Дель Амо не боится быть

отвратительным, не стесняется казаться беспросветным. Вопрос “чего ради?” напрашивается при чтении обеих его книг сам собой. Происходит ли с нами после копания в омерзительных отбросах на скотном дворе “Звериного царства” заветный катарсис, за который мы столь многое готовы простить? На вопрос этот пусть каждый отвечает сам, а я бы хотела обратить внимание на другое.

Дель Амо — один из тех редкостных современных авторов, для которых главным рабочим инструментом без всяких оговорок является язык. Не скандальный сюжет, не пресыщенное паразитирование на культурных аллюзиях, не затаенная змеиная готовность в любой момент превратиться в сценарий блокбастера — а старый добрый великолепный язык. В этом смысле Дель Амо — диковинка, он похож на какого-нибудь выжившего из ума энтузиаста, который обжигает на костре самодельную глиняную посуду или отправляет друзьям бумажные письма, наклеивая на конверты заслонявленные марки. Даже в коряво переведенной “Соли” этот неспешный танец богатейшей стилистики не мог не завораживать — что го-

ворить о “Зверином царстве”, которое переведено отлично. Ради этого стоит надеть замызганный передник и вместе с героиней отправиться кормить свиней. Тем более что первоклассная литература, насколько я помню, никогда и никому не обещала быть легкой.

Лоран Бине *Седьмая функция языка* / Перевод с французского А. Захаревич. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019

Берешь заведомо скучнейшую тему — например аристотелевы трактаты, расположение фигур на полотнах Леонардо да Винчи или постструктуралистскую лингвистику, размазываешь эту тему по сюжету детектива или боевика (можно даже тонким слоем) — и не просто в мгновение ока становишься мировой знаменитостью: приобретаешь славу дерзкого интеллектуала, неподкупного тайнокопателя. Работать так, чтоб обывателя ни днем ни ночью нельзя было оттащить от книжки про какой-нибудь монастырь, писатели научились уже давным-давно, больше двухсот лет назад. Тем не менее мы по-прежнему удивляемся, когда тысячестраничному кирпичу Умберто Эко или роману про академический мир конца 70-х удастся по части увлекательности заткнуть за пояс любую компьютерную игру. “Седьмая функция языка” — роман про расследование обстоятельств смерти Ролана

Барта, который вроде как попал в ДТП, про язык как про секретный пункт в списке магических предметов собирающегося в школу Гарри Поттера и про уютную постструктуралистскую тусовку, оживить которую в романном контексте и превратить из фамилий и заголовков в мир интересных живых персонажей, по-моему, раньше не предпринимал никто.

Бине даже не скрывает (наоборот — бравирует), что унаследовал технику у Эко: в гладкий сюжет во вкусе Индианы Джонса напихать явных и скрытых фильтров, например, неожиданных многословных рассуждений о семиотике, которые не всякий осилит, или спрятанных между строк цитат, которые и замечать-то вовсе не обязательно — это так, маленький сюрприз “для своих”, то, что в мире кинофраншиз называется “пасхалка”, — и книга действительно превращается в компьютерную игру, в которую тем интереснее играть, чем выше у тебя “уровень”. При этом главный герой, старый добрый глупый полицейский, в постструктуралистской алхимии фишку не рубит, так что получается еще смешнее — мы же еще со времен Конан Дойля обожаем быть умнее главного героя. Мы вошли во вкус. Старинная, эковская еще заветная пасхалка повторяется как заклинание: мол, без специальной подготовки книга все равно понятна, все равно интересна, читайте на здоровье! Но мы-то понимаем: может, “неподготовленный читатель” книжку и прочтет, но настоя-

щего “кайфа” ему, читателю этому горемычному, не видать. А вот люди, не понаслышке знакомые с миром французского постструктурализма и имеющие соответствующее образование, аж мурлычат от удовольствия. У них — встреча выпускников. У них — семейные филологические шуточки и экивоки, создающие иллюзию безопасности и избранности. А это уж всякий знает, что в нашем перенаселенном мире избранность или хотя бы ее ощущение — самый что ни на есть священный Грааль.

Филологическое образование филологическим образованием, но подобных проверок принадлежности к стае и вхожести в клуб я на дух не переносу. И не переносу тех, кто, как сделал это Лоран Бине, дает выпускникам филфака (биофака, геофака, физмата — неважно) очередной повод задешево, а в некоторых книжных интернет-магазинах даже с недюжинной скидкой, почувствовать себя самыми умными. У Эко та же самая фишка — сатанинское перемигивание с образованным читателем и угодливое услаждение читателя умного — была хотя бы стыдливо спрятана в подтекст. Бине тоже пишет о вещах важных и глубоких — о языке и сознании, о власти, и, самое главное, о жажде знания, об ответственности ученого, об игре ума. Но второстепенности всех этих вопросов в сравнении с всемогущей Игрой он даже не скрывает. И пока освободишь эту прекрасную принцессу из постмодернистской башни, семь потов сойдет, и именно что не у фи-

лологов, а у простецов (как у нас на филфаке называли не-филологов), потому что филологи возьмут по бокальчику и пустятся в свои просвещенные разговоры еще в прихожей. Это мог бы получиться прекрасный, пронзительный, искренний роман на неизбитую тему, тем более что и написан, и переведен на русский язык он замечательно: живо, ярко, динамично. А получилась игрушечка. Заводная птичка в золотой клетке, которая поет лишь для того, чтобы польстить самолюбию избранных: ведь не-избранные попросту не нашли комнату с заводной птичкой и давным-давно разошлись по домам.

А кто же будет слушать соловья?

Микаэль Ниemi *Сварить медведя* / Перевод со шведского Сергея Штерна. — М.: Фантом Пресс, 2019

Вот попали к нам в майскую подборку две вариации на тему Эко — но до чего же не похожи они одна на другую! Да, снова убийства и изнасилования, маньяки, мистика и леденящие кровь слухи, вдохновенное вглядывание в примятую траву — правда, здесь зло исходит не от аккуратно подстриженных господ в дорогих пиджаках. Действие разворачивается в глубинах дикого и пустынного северного края, в крохотной сельской общине, — то есть мы получаем, на первый взгляд, герметичный детектив. Почему на первый взгляд? Да потому, что детективная ли-

ния здесь вообще обретается на положении свадебного генерала. На самом деле речь идет в первую очередь о познании мира, о его создании для самого себя: рассказчик, подросток-бродяга Юсси, которого его будущий наставник, пастор Лестадиус, подобрал на дороге, поначалу пребывает в состоянии абсолютно бессознательном, полуживотном, а потом постепенно обретает невероятную, обостренную зоркость ума — пожалуй, тоже отчасти животную. При этом доверять ему как рассказчику нельзя сразу по нескольким причинам: он эмоционален, у него свои тайны, он очень многого в происходящем просто не понимает. Вместо того чтобы, как и полагается честному Ватсону, ни на секунду не отрываться от хода расследования, он то ударяется в воспоминания, то принимается рассуждать о чудесном устройстве Вселенной. И вот эти самые рассуждения заставляют при чтении книги Ниemi испытывать блаженное чувство открытия: да, да, вот оно! Я нашел, наконец-то нашел что-то стоящее! Все, что пишет Ниemi о природе, великолепно: искренне, точно, необыкновенно и ни капли не фальшиво. Да и не только это ему удается: хороши и диалоги, в которых так отчетливо проявляются жутко-

ватые дикарские характеры, и два центральных персонажа (оба по-настоящему оригинальны и обаятельны — а давно ли было такое, чтобы персонажи очаровывали нас?), и даже всевозможные натуралистические мерзости, которые, как видно, представляются нынешним писателям обязательной составляющей исторического колорита. Особенно же цепляет то, как тонко и глубоко Ниemi описывает отношение Юсси к его учителю: так ненавязчиво, почти незаметно вплетает он в одну сцену и даже фразу и раздражение, и любовь, и снисходительную иронию, и восхищение, и недоумение — все то, что мы зачастую (точно так же — одновременно) испытываем к самым близким людям. И даже когда все это пестрое, как сама жизнь, сочетание тем принимается громоздиться на детективные ходули, получается — а ведь в данном случае это главное? — вполне увлекательно. В общем, нам повезло. А с переводчиком повезло вдвойне. Сколько стилей ему пришлось оседлать — тут тебе и проповеди, и ботаника, и запечная деревенская речь, и лихая ругань, — и все получилось просто потрясающе, на одном выдохе. Даже, не поверите, тянет перечитать — некоторые-то фрагменты уж точно.